

ВОЛНА

ОТ КАЖДАГО ПО СПОСОБНОСТИ
И
КАЖДОМУ ПО ПОТРЕБНОСТИ

ДУХ
РАЗРУШАЮЩИЙ
— ДУХ
СОЗИДАЮЩИЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

- 1) Два Интернационала.
- 2) Наглядная картина дик. пролет.
- 3) Перевал.
- 4) Кающийся грешник.
- 5) Наше отношение к революц. эконо. орг.
- 6) Немножко.
- 7) Стихи.
- 8) В набат.
- 9) Что же изменилось?
- 10) Рабоче-Крестьянское правительство.
- 11) Корреспонденции.
- 12) Отчеты.

ДВА ИНТЕРНАЦИОНАЛА И РАБОЧИЙ КЛАСС.

За последнее время яснее, чем когда либо определились в Европе два интернационала.

Мы не говорим об интернационалах рабочих или политических партий разных течений. Существующие теперь в Европе два интернационала отличаются между собою по существу. С одной стороны 3 Московский интернационал, с другой 1 интернационал мирового капитала — Лиги Наций.

Разумеется, мы не будем и говорить о миролюбивых настроениях Лиги Наций.

Это лицемерие слишком очевидно. Тем не менее нельзя и обратить серьезного внимания на этот оригинальный интернационал. До сих пор интернационалисты и капиталисты никогда так не объединялись против революции. До сих пор они объединялись на время, объединялись по два по три и скоро же передрались между собой. Теперь же капитал всех самых крупных империалистических держав объединил свои силы... Как мыши перед пожаром покидают сарай, так капиталисты всех стран, позабыв личные счеты устремляются в одну точку — как стадо хищных зверей, почуввав приближение стихийной опасности, в страхе сбиваются в кучу не перегрызая друг другу горла, так мировые палачи, почуввав приближение расплаты народной, сгрудились в Лигу Наций.

Свою опасность интернационал палачей видит в 3 Московском интернационале. Так же смотрит на своего „тезка“ и Московский интернационал.

Между первым интернационалом палачей народных и третьим интернационалом красной олигархии, как между молотом и наковальней чувствует себя „свободный“ рабочий человек.

Вся Европа разорена материально, каждая самая маленькая страна, как Бельгия и самая могущественная как Англия экономически парализованы. Но этого мало. Самое главное то, что

вся Европа и каждая европейская страна деморализована, убита, уничтожена морально.

Смерть бога начинается с момента, когда поклонник начинает сомневаться в нем. Спасение народа начинается с момента, когда он теряет веру в своих идолов и начинает верить в себя.

Идея государства разлагается в Европе, умирает.

Еще никогда империалистическая страна не доходила до такой наглости в поношении доверия народа к себе, как за последнее время. Как красноречиво, как настойчиво, шумно кричали они народу о высоких целях для, которых необходимо было покончить войну.

Никогда еще наглость prostituiрованных правительств не была так очевидна, как теперь после их обещаний, впредь не воевать, не эксплуатировать, не казнить, а жить мирно в полном благоденствии.

Первый интернационал кровожадных чудовищ в человеческом образе, окончательно разбил веру в их могущество и их необходимое присутствие в жизни общества.

Замаскированная война с Русской революцией до последней возможности. Создание фронтов при самых невероятных обстоятельствах. Покупки Францией многострадальной Польши и наглая попытка империалистов образовать еще один фронт в России, под предлогом посылки интернациональной армии в Вильно, завершает преступную политику всех государств, по отношению к рабочей революции.

На смену интернационалу хищников человеческих явился 3 интернационал пролетарской бюрократии.

Казалось бы интернационал пролетариата есть логический заместитель интернационала буржуазии. Надежды и чаяния многих рабочих и устремлены к нему.

Но эти надежды рунутся не успевши окреп

нуть, утвердиться. Московский интернационал не лишен той же жестокости по отношению к рабочему человеку, что и интернационал мирового капитала. Права человека, свобода, красота и величие личности также тонут в собственной крови носителя и обладателя этих величайших проявлений человеческого существа, как они тонут и в прославленной великой „республике“, „образованной“ Англии и „просвещенной“ Франции.

Приветствуя Российскую революцию и симпатизируя ей рабочие европейских стран, не топясь твердить наизусть 21 пункт 3 интернационала. Оригинальный символ красной власти, вращающийся вокруг своей оси в разное число раз в разные периоды и заключающий в каждом соответствующем департаменте известный запрет на известное свободное проявление человека, не прильзчат рабочих своей оригинальностью.

Парализованные дикой пятилетней бойней своих братьев, рабочие европейских стран нахаживаются в столбняке. Русской революции они симпатизируют. Издыхая от голода, нищеты и болезней, они не пытаются прибрать к своим рукам того добра, что горами навалено на костях павших в борьбе. Интернационалу мирового капитала тоже двинуться не дают. Он готов в крови затопить многомиллионную революционную Россию. Но рабочие Европы на чеку.

Кое где рабочие бастуют, кое-где отбирают фабрики у фабрикантов, кое-где толпы безработных завладевают общественными домами. Но в общем затишье.

А буря надвигается..

Пока революция в России не потоплена в крови, революция во всей Европе висит на волоске. Это чувствуется в воздухе и рабочими и капиталистами. Но Русская революция гарантирована от падения нравственным упадком капиталистических государств. В народе нет веры ни в республиканские, ни в демократические государства.

И не решается он сам разложившийся духовно, одним толчком столкнуть в бездну вечности парализованный, струпами язвы покры-

вшийся капиталистический строй. Не решается он, ибо не верит 3 интернационалу, а своей формы жизни еще не выработал.

Но его нерешительность скоро кончится.

Интернационал мирового капитала не долго сохранит равновесие: если капиталистические державы Лиги Наций не вцепятся друг дружке зубами в горло, то они нападут на Россию. Тогда рабочим Европы придется выйти из столбняка и приняться за создание нового интернационала безвластия.

—o—

НАГЛЯДНАЯ КАРТИНА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.

Глупо делают те люди, которые еще верят в ломку и отшествие старого мира, посредством „диктатуры пролетариата“, которые верят, что сконцентрировать власть, капитал, землю, торговлю, промышленность и даже рабов: отдав это все в распоряжение своим диктаторам комиссарам, все старое отживет и умрет, а на место старых развалин золотых храмов — царей водворится новый мир: счастья любовь и братство.

Эти люди, еще не выползли из трущобы, увлечены „диктатурой пролетариата“ и наконец обузданы узами нового пролетарского рабства, на плечи которого взвалено бремя защиты своих комиссаров и борьбы со всеми революционными силами безвластия. Эти жалкие людишки приверженцы „пролетарской диктатуры“, еще мечтают и говорят о свободном обществе народов.

Позволим же себе разобраться в этой „диктатуре пролетариата“, во главе которой стоят комиссары защищая свою власть и тиранию не меньше царей. Не надо сеять зло, ложь и ненависть, но от всего этого надо и защищаться. На это борьба, для этого совершилась революция в России. И если можно повлиять на бессознательные массы, которые упились революционными лозунгами и оглушены пушечными ударами, злом ложью и замалчивостью, для того, что

бы в это самое время закрепить за собою трон, наш долг — долг анархистов безвластников, стоящих на точке зрения социальной революции, разоблачать пред народными массами протекли большевистских политиканов.

Если большевики комиссары закрепощают за собою власть, захватывают в свои руки все богатства России, и таким образом увеличивая количество новых рабов, то наш долг анархистов — коммунистов, работать на все стороны, дабы не затухло пламя революции.

Надо понимать, что когда палач взбирается на престол славы — на головы угнетенного люда и садясь на мужицко-пролетарском горбу на чинает судить этого-же самого мужика-пролетариата умирять и казнить непокорных бунтарей: то там сознательно кончается революция и свободные порывы человеческого освобождения, а нарождается властический кнут палача и проводится „порядок — умирения“

Вот и поговорим о „порядке — умирения“

Вспоминаются мне времена Керенско-Корниловской эпохи, когда буржуа-палач Корнилов, на всероссийском съезде в Москве требовал от диктатора Керенского, смертной казни в армии и Керенский как бы на время войны, — или иначе говоря — до окончания войны, согласился на этот преступный акт.

И что-ж тогда?!!!

Большевики возопили громким голосом, что конец революции, конец революционным победам, конец завоеванной свободе и т. д. и т. д. Воспользовавшись актом казни, подписанным Керенским, большевики выступили против Керенско-Корниловских затей, как могильщики революции и выставили свою программу, с отменной смертной казни и превозгласили свои лозунги: как — власть, земля и фабрики народу, уничтожение капитала, мировая революция и много других.

Хорошие лозунги — не правда-ли?

Да, лозунги-то хорошие, но это слова болтунов политиканов. Это обманный призыв, победа большевистских шакалов. Им нужна была только политическая власть, им нужен был царский чертог, им нужны были императорские тро-

ны. И когда они захватили бразды правления в свои руки, упрятали мужика в пролетарское ярмо, положив основы „пролетарской диктатуры“, выехали на мужицких горбах — не зажигать мировую революцию, а тушить свою домашнюю, умирять того-же самого мужика-природного безвластника, который всецело связан с одной только природой земель. Надо признать факт, что русский пролетариат, в некоторой части, был упит революцией и бессознательно подался на удочку — политиканов большевиков.

Русский пролетариат не был еще воспитан в классической борьбе и не имея опыта в политическом волшебном кругу гипнотизма, он увлекся, ей „пролетарской диктатурой“ и отдался в когти тех коршунов, которые кривят своей душой и изменяют своим революционным лозунгам не меньше Керенско-Корниловских актов. предписывают свои декреты №№ 1, 2, 3 которыми от первых-же дней своей комиссарско-пролетарской диктатуры, начали устанавливать „порядок“ и „умирять“ не покорных бунтарей. И если Корнилов пролил кровь мужика у Петрограда за власть — премьерства — то большевистские диктаторы проливают рабочую кровь по всей России, дабы удерживать захваченную власть в своих руках.

Но на этом мы останавливаться не станем, Это еще не факт. Пускай забирают власть — они ее не удержат. Еще один раскат грома, еще раз захлебнутся волны, и власти всякой настает конец.

Но лишь укажем тот факт на „пролетарскую диктатуру“, от которой пролетариат танцует под комиссаровские декреты и выполняет с точностью всякие предписания свыше — сих, которые забрались в царские чертоги и никто не смей нарушить декретных указов и препятствовать властелинам диктовать... Не меньше царских нагаек, тюрем и виселиц в плоть до расстрелов показываются тем, кто посмеет на рушить комиссарскую власть, или не исполнит предписанных декретов — не говоря уже об открытых выступлениях.

Вот декрет военного комиссара Троцкого, так много кричавшего о мировой революции и

„диктатуре пролетариата.“

Декрет № 1-й Красной армии. Все те, которые будут вести подпольную агитацию против советского правительства и дезорганизовывать ряды армейцев и подрывать дисциплину будут расстрелены. №2-й Все те, кто посмеет положить оружие на землю будет казнен. № 3-й Всякий, кто посмеет бежать с рядов красной армии будет расстрелян.“...

Не станем останавливаться и расстолковывать сущность самих декретов, — оставим их в стороне. Но нам следует по этим декретам разобраться в сущности-ли это „диктатура пролетариата.“ Диктатуру пролетариата, я понимаю не иначе, как „диктатуру класса“ вообще.

Что-же касается вопросов явления обыденной жизни; в ее качествах и потребностях, где сами массы могут решать и выполнять, так это не будет диктатура. Массы утром могут решать и постановлять, а вечером перерешать и изменять. Но если-же массы не доросли умственно и духовно до осуществления разрешенных вопросов и они выбирают из своей среды исполнительный комитет, то комитету может поручаться — лишь исполнение решений, — но не чуть диктаторская власть комиссаров, указывающая той массе, которая вполне понимает и разбирается в обыденных, насущных вопросах жизни.

Стало быть, большевики пользуются темными массами, вооружив их подавляют всякие восстания свободно-мыслящих элементов, препятствуют всяким собраниям и закрывают уста говорящим слова правды.

Всякая печать — литература с истинным направлением свободной мысли не допускается даже к изданию. Стало быть анархистические идеи, учение и принципы топчутся ногами властных комиссаров и сеятеля правды, учителя и борцы за безвластную, вольную жизнь свободно человечества еще прячутся в подполье, как и во времена Романовых, коронованных ослов России, на них идут гонения, преследования и наказания, — власть комиссара не менее жасстока власти самодержавного царя. Для фактического доказательства действительности того за

крепощения пролетариата палачами революции, не мешает привести некоторые выдержки из восзвания тов. П. Кропоткина к рабочим западных стран.

В восзвании своем тов. П. Кропоткин между прочим говорит:

„Идея создания советов зародилась еще в 1905 году и была осуществлена в 1917 года.

Идея советов, контролирующей политическую и экономическую жизнь страны, — благо разумное понимание порядка вещей. В особенности потому, что советы должны быть составлены из тех людей, которые принимают активное участие в создании общественного богатства. Но в то время, когда партия применила свою диктатуру, советы рабочих и крестьян потеряли свое значение.

Они низведены до пассивной роли, которую раньше выполняли государственные генералы и парламенты, созываемые королями и вынужденные вести борьбу с могущественными королевскими советами. Рабочие советы не могут быть свободными советами, если нет свободы слова и свободы печати; а мы в таком положении находимся уже около двух лет — под предлогом, что мы ведем войну.

Но это еще не все. Советы рабочих и крестьян теряют свое значение, если в стране отсутствует свободная предвыборная кампания и сами выборы у нас этот факт на лицо.

Кроме этого диктатура партии применяет свое давление на выборы. Естественно, что причиной этому является яко-бы необходимость искоренения прежнего режима. Но подобного рода диктатура, как видно становится барьером в устройстве нового общества — и создании нового общественного порядка, основанного на экономическом равенстве“... Я думаю, что здесь приведенная выше выдержка, достаточно характеризует те печальные факты, революционной борьбы в России, где подавляется всякое свободное, не только действие и проявление, но и мышление. Это создается новая „культура и цивилизация диктатуры пролетариата.“

Это по истине палачи революции, заковы

вают новую Россию в узы владыческого рабства — власти и капитала. Это над Россией обратно витает самодержавный кнут царей, который применяют „диктатурой пролетариата.“

Но меч сверкает и буря не утихает, ряды двоятся и знамя рдеет, и в бой мы идем за волю и землю мы голову сломаем палачам — правителям Волной смоём мы сети класса-привилегий. Волна снесет на дно морское власть земных правителей. Тогда порвем мы всякие преграды к свободе и правде и заживем в мире — свободном обществе в братстве.

Касаясь „диктатуры пролетариата“ — большевистских комиссаров, которые вошли в мировой заколдованный круг политики и играют ей не меньше царско-бюрократии мне невольно хочется отметить в этой статье ту тактику большевистских комиссаров, которой они создают „новую пролетарскую культуру и цивилизацию социализма Маркса.“

По истине можно сказать, что эти современные Марксисты, русской революции, превышают своей тактикой дикости „культуры средне-вековых инквизиторов фанатиков религии, которую они насаждали в народе разными пытками, казнями и сожжением на кострах, во имя „Бога веры и кротости,“ во имя проведения в жизнь религии, — разделенной по сословиям безумцами, так как сейчас фанатики и последователи Маркса разрознили социализм, на подобные, религии, и начинают им торговать и во имя

его проведения в жизнь, делают инквизиторские пытки и казни ради своего „бога“ Социалиста Маркса и его выдвинутой „пролетарской диктатурой“. Надо было б умалчивать о том, какие репрессии и гонения делаются на крестьян во имя этой „диктатуры пролетариата“ — признания власти комиссаров, и социалистической религии Маркса, которая не меньше религии христианской уже создала своих кумиров, богов — идолов и заставляет свободного человека поклоняться у жертвенника с подаянием.

Но время — сама жизнь не позволяет молчать и относиться равнодушно к тем переустройствам, современного общества, какими пыта-

ются перестроить Россию, большевистские комиссары, в которых законы, форма и тактика давно начертаны, в соглашательстве с старой умирающей дипломатией и правительства старого, коварного и произвольного мира.

Большевики подошли к рабочим Петрограда и захватили власть в свои руки очень хитро и обманчиво, но навряд-ли удастся использовать Россию в своих интересах „диктатуры пролетариата“ и стой „культурой и цивилизацией прогресса“, какую они осуществляют на деле.

Для того, чтобы указать на беспочвенность основ, зарождаемого „нового общества“ с „пролетарской диктатурой“ и большевистской „социалистической культурой“ пришлось бы много писать и говорить, — но и так было бы трудно пробраться через новые паутинные сети, расставленные по всем уголкам мира и проникнуть в тот заколдованный круг политического круговорота и безпринципального действия комиссаров, которые взобрались на императорско-царские троны: в дворцах палатах, институтах и кремлях, гуманным образом подхлебничества, околпачивают еще не прозревшие массы и расправляются своими тайными но преступными проделками.

суровостей и безбрежности — жертвой, которых являются анархисты, как противники всякой власти, декретной реформы „централистов“, судам и тюрьмам, частной торговле и развитию капитала, отступление революции с мир со старым миром и его правителями, владыками и кумирами и против всяких чинов, величия и славословий; социал-революционеры являются соперниками большевиков, захвата государственных учреждений, власти и права; националисты, безпартийные включая даже Толстотцев, являются не противниками „Советской системы“, но они враги большевистской тактики, суровых обращений к мирным жителям (крестьянам), дикое насаждение „Марксизма“ и в „исполнительном комитете“ и раз'езжающей тайной дипломатии, на счет мира и признания большевистского правительства в России. Вот это-то три центра противостоящих большевистскому открытому действию, самодержавных

времен и тактики царей и являются жертвой пресловутых комиссаров.

Поэтому-то „диктатура пролетариата“ во главе комиссаров и рассправляется инквизиторски с тем, кого обнаруживают своим противником—врагом при каких либо других, противных настроениях и действиях **большевистским комиссарам.**

Поэтому-то большевики, на подобие Палмера задушили всякое свободное собрание, без участия комиссаров, заткнули революционный рот свободного слова; искоренили всякое печатное слово, — литературу, противных убеждений и настроений **большевизма**; не допускают даже и свободно говорить, агитировать и объяснять в **предвыборных кампаниях.** Они, не говоря уже о их „старательности и любезности“ ограничиваясь только своим „большевистско-коммунистическим“ и влиять и заставлять „непокорных“ осуществлять и поддерживать **большевистский коммунизм**, они даже ограничивают голоса выборов, подразделяя их на „законных“ и не „законных“, на „действительных“ и не „действительных“, на своих верных и вражеских.

И для тех, кто мешает и не повинует **большевистско-комиссарским декретам и указам**, у них есть еще царские старые институты; тюрьмы, судилища,—и обратно тюрьмы и даже виселицы и расстрелы.

А сейчас к стати придался и дисциплинарный батальон — армия труда. Вот туда загоняют всех „не покорных, опасных“ и всю чернь, которая не перестает волноваться, разбушевавшимся океаном революционных волн. Там одни под указом и надзором трудятся, а другие праздно, также под дисциплиной стоят вооружены, сторожат и укоряют новых рабов „**пролетарского царства.**“

Так хитро, обманчиво и позорно для революционной России и при царе батюшке не было устроено.

И если „батюшка-царь“ высылал на каторжные работы, держал в тюремных крепостях, являя своих противников-врагов, если царь казнил, вешал и расстреливал, то это было тайной царского двора и других коронованных ослов.

Но царь не хвастался перед миром, своей „культурой и цивилизацией“, мир не знал что делает ся в глубине России с ее народом.

Мир не знал и знать не мог, что делают коронованные ослы мира. Но мир знает, должен и будет знать, что делает революция, на подобие Русской. Коронованные ослы, — это самодержавный произвол единиц. Революция — это народ.

Народ никогда не утаивает того, что он делает и он не утаит того, что делают с ним разные „господа-товарищи“, вроде их опекунов, спасителей и доброжелателей. Народ укажет миру, кто останавливает и отступает от революции и кто душит человеческую свободу, его развитие и прогресс вперед, к высшей ступени знания и жизни.

И большевики, зная это и видя угрожающую волну ихнему господству — властелинов, они в некоторой части признаются в своих „подвигах — дикости“ и говорят, что это все делается ради оборонительного завоевательного и достижимости, социалистических идей и безопасности диктатуры пролетариата.“ Вот тот акт лжи, проклятья и зла, которым они себя защищают, в виде, — что все это творится ни от руки их палача, а все это делается само собою.

Но пусть так! Пусть все попытки, действия и направления отодвинут **большевистско-комиссарскую власть с диктатурой**, будут контр-революционеры, с какого бы источника рабочих органов не происходили. Пусть скажут большевики, что за месть платится местью. Это называются те, которые не считаются и не повинуются власти, указам и предписаниям комиссаров.

А поймите, что в стране, где существует фактически правительство с властью и добивается признания всем миром, „нужен порядок“, нужна дисциплина и оказание.

Это своя домашняя борьба „беспорядок и анархия.“ Вот почему „надо“ подавлять, укорять и преследовать.

Но следует обратить внимание на вещь другого характера и мы придем к выводу положительного конца.

Вот, например, читаем заявления большеви

стского представителя Каппа в Берлине, который говорит:

„Это не тайна и не секрет убийства варо на Мирбаха в Москве, посла Германии (кайзера). Мы согласны опубликовать всему миру это происшествие, которое совершилось врагами Советского правительства, — за что нами было казнено в тот же момент более 200 человек, а большинство еще находится под заключение (в тюрьмах)“

Вот тот документ полного доказательства „диллатуры пролетариата“ и „ново-прививающей ся“ к революционному народу большевистской „культуры и цивилизации.“

Что это?! Не превышают ли эти палачи революции, своей дикостью и суровостью Николая Кровавого?..

За убийство самых приближенных безумного царя, как Столипина, Распутина и др., безумный царь, не принимал таких стараний в обыске виновников, и не наказывал их самосудом — казни 200 человек за одного, как это делают большевистские комиссары

Мы бы не удивились, на такие проделки, царей, королей и президентов. Но когда средние вековые пытки, казни и инквизиции свирепствуют в „царстве пролетариата,“ да еще в огне революции, то мы ни находим большого зла и преступления пред миром, какия совершают большевистские комиссары.

Поймите, что в революции погибают не такие люди, как это был императорско-кайзерский посол Мирбах, и не одна личность, как погиб это один из тиранов мира, — но в революции ложатся в могилу миллионы самых лучших сил и знаний трудового люда и за них нет наказаний тиранам-убийцам.

Германскому трудовому люду был дороже Либхнег и Люксембург нежели этот вампир Мирбах, и они пали жертвой революции без наказаний убийц.

Кто же должен понести наказание за все жертвы Российской революции, в которой миллиончика три-четыре уже ушло на покой?

Но это еще не все. Мы прекрасно знаем, что большевики, захвативши власть в свои ру-

ки, а вместе и революционный огонь, они в каждом городе, местечке, селе и деревне истребляли сотни тех, кто не признавал их власти, их него социализма и коммуны.

Надо было бы подсчитать все те жертвы и спросить: кто за них будет отвечать перед миром, — или пред своим же народом, который переносит новое бремя кандалов, тюрем и казней, за свои убеждения.

Да, совершаются ужасы еще в наши дни и великия преступления

Если там была организована группа на убийство этого вампира-палача Мирбаха, то она была организована, не с той целью, чтобы остановить революцию (как это делают большевики, ради своего признания мировой реакцией и империалистическими правителями) и посадив на престол какого нибудь самодержавца, добиться признания всеми правителями мира и заключить мир с старым заколдованным миром

Мы можем сказать, с уверенностью и убеждением, что эта группа, или самый источник революционного нового огня, мечая, цель свою предохранить русскую революцию от посягательств империалистов всего мира на революционные плоды России и заключения союза со старым, отжившим и прогнившим в своих устоях и институтах власти и права, — мира.

И за это только они пали жертвой палачей революции.

Сеня — Сенько

ПЕРЕВАЛ.

По утверждению, лицемерно, или прозаически основывающихся, скорее на окружающей среде, чем на общественной психологии, сторонников постепенщины, от реформистов до эволюционистов обществу, прежде, чем достигнуть царства свободы, необходимо пройти целый ряд виз санкционирующих ступень развития общественной нравственности, и обслуживающих должность посредника между обществом и свободой. Только таким образом, — по заявлению постепеновцев, — только пройдя сеть школ и фех-

тований **подготовительной стадии**, детально изучив навыки и тенденции свободы; темперамент общества будет в должествующем счете подоготовлен к восприятию свободы. Свобода для постепеновцев не есть безграничный идеал, а является чем-то оформленным, чем-то установленным, с определенными энтографическими границами, расположенными в известной части мировоззрения и окаймленными со всех сторон непроеходимой пустыней — эволюции, в которой не мало погибло и еще продолжают гибнуть, руководимые свыше наивные странники, с котомкой за плечами и с посохом в руке, решающиеся перешагнуть базис свободы. Кончив курсы **подготовительной школы** и выйдя оттуда с аттестатом права на свободное жительство, перед обществом разстилается новый фазис, — фазис **переходной стадии** сплош и рядом поросший колючим тернием и непроеходимой чащей кустарников, среди чего общество вынуждено будет прокладывать путь к свободе. Ибо свобода, по мнению постепеновцев, это опьяняющий опиум, который нельзя сразу предоставить безусловному общественному характеру, нужно постепенно, соразмерно приучать последний к свойствам свободы. Прокладывая, среди невзгод и лишений путь, общество в таком случае, с испаряющимися руками, с измученными лицами, с потухшим взором, будет стремиться к тому идеалу, постичь который может только **тот, чей** взор сверкает гордо, чье сердце бьется с энтузиазмом, кто с презрением смотрит на униженное повиновение, но не **тот, кто** покорно тащит крестную ношу, возложенную на него авторитетным угнетателем, или предупредительным радетелем, чей ум окутан густой сетью предрассудков, представляет себе идеал свободы чем-то сверхобычным, к которому человек с своим природным рассудком, не должен даже прикоснуться, не искупив свое недостойнство в юдоли страданий и не облачив свой нрав в голубинные ризы добросердечности. Холодом аскетизма, и жалкостью сентиментализма веет от всех этих искуплений, от этих райских приготовлений к свободе, гнета, страданий и других несправедливостей существующего строя. Оказывается недостаточным для того, что

бы возвратить обществу то, что по праву принадлежит **каждому** человеку; кроме всего этого, нужно еще отплачиваться и за то, что человек, есть **человек**, а не ангел, или не мумия, что в нем сохранились его чувства, его ум, его потребность, что он реален. Все это по мнению постепеновцев реформистов мешает человеку сразу стать свободным, эмансипироваться нужно постепенно, сообразно с ходом эволюции, ведущей интеллект общества из состояния „Ното,“ в состояние „Ното ноуз“, и когда эта ступень будет достигнута обществом, перед самим собой распахнутся врата царства свободы и общество с видом достойного воспринимателя удостоится заранее уготованных ему мест. Сколько потребуется времени подготовки, к осуществлению столь изумрудной мифологии ответа на это нет в школах постепеновщины, но до этого момента общество должно подготовиться, усовершенствоваться, исправлять свой нрав и ошибки и терпеть горе, ибо ступень нравственного развития, на которой стоит нынешнее общество, еще слишком далека, слишком несоответственна к восприятию свободы. Для постепеновцев свобода и какой-нибудь механический прибор, суть вещи во всех видах аналогичны: как нельзя чернорабочему предоставить сразу управление машиной, так нельзя рабу, предоставить сразу пользование свободой. Этот догмат с одинаковым пафосом оспаривается, как **крайне желтыми** консерваторами-реформаторами, так и **крайне красными** централистами-коммунистами, как те, так и другие стараются внушить обществу необходимость подготовки, а подготовка может быть последовательной лишь посредством их доктрины. Наша доктрина непостоянна, — заявляют они, — но она необходима обществу как историческая неизбежность, в то время, когда общество разорвав узы насилия, выйдет из давящей его атмосферы на простор, с естественной повязкой — неопытностью на глазах вследствие чего оно может легко попасть в какое-либо болото. В таких то случаях, мы подходим к обществу, как друзья, берем его за руку, а не за нос, как это многие утверждают, (естественную повязку заменяем искусственной) и прочно утоптаной, де

тально нам знакомой тропинкой ведем его к свободе. Когда-же тот путь будет пройден; когда всякая опасность **заблудиться** переходя из рабства к свободе минует; когда мы тщательно удостоверимся в самостоятельности личности, тогда мы представим ей полную волю действий, сорвем с ее глаз повязку и личность войдет в широко распахнутые врата свободы.

С этой точки зрения определенно ясно, что свобода постепенцев-реформистов не, что иное как вещество, ибо только в обращении с веществом требуется известная подготовительность. Несомненно, что это вещество — свобода как комок легко может вдавливаясь в любую форму, вследствие чего на ряду со всей этой свободой безобидно будет процветать и рабство. Сам факт, требующий известной подготовки, свидетельствует, что далеко не всем по плечу будет такая свобода, благо, если интеллект окажется восприимчивым и скоро уяснить все навыки свободы, но бесспорно немало найдется и таких интеллектуальностей, которым окажется чуждыми и непонятными все капризы свободы, вследствие чего они как солдаты в такт барабана, вынуждены будут продолжать дрессировку до тех пор, пока их темперамент определенно и аккуратно не усвоит самого малейшего эдикта свободы. Будут и такие интеллектуальности, понятия и способности которых будут настолько всесторонни, что им окажется слишком уской обстановкой санкционированной свободы, спираль их мировоззрения до того расширится, что будет угрожать разрывом оболочки окаймляющей свободу, во избежание чего, неподающихся регламентации, неугомонных личностей, необходимо будет преследовать как демагогов и изгонять их из пределов свободы, понадобится самый строжайший карантин и ряд других инстанций на границах свободного царства, что придасть по следнему самый надлежащий вид. „Прокрустово ложе“, или, как это будет называться на жаргоне реформистов „социальное равенство“. Равенство реформистами-постепенцами как и свобода, есть чистейший материализм торменной фабрикации. Под предлогом равенства, они видят общество в общем одинаковое, как предме

ты выделяемые в определенной фабрике и на определенной машине. Для реформистов вполне допустимо, что миллионы личностей могут одинаково мыслить, чувствовать, стремиться, творить, располагать одинаковыми понятиями, вкусами, желаниями, стремлениями и т. д. В этом-то и заключается вся суть равенства реформистского воззрения, а что таковое может осуществиться, реформисты доказывают, как дважды два, нужно только поставить общество на определенную точку, подтянуть под соответствующую мерку и все готово.

Но прежде всего, обществу необходимо пройти подготовительную стадию реформ. Так ли это в действительности? действительно ли свобода вещество одностороннее присущее лишь одному какому либо виду, и требующее известной подготовки? Далеко не так! В сущности свобода как раз в противовес реформистскому о ней толкованию, есть не вещество а свойство — свойство стоящее выше всяких реформ. Инстинктивно присущее всем и каждому, являющееся неотъемлемой частью комбинации именуемой жизнью. Свобода без жизни-фикция, равно как и жизнь без свободы, не жизнь, а мучение. Обойти, или опровергнуть эту логичность нет ни малейшей возможности, все факты констатируемые из жизни, непременно подтверждают это. Если окинуть широким взглядом природу, то нетрудно убедиться, что вся кипящая в ней жизнь, начиная с великанов, и кончая молекулами, одинаково дорожит свободой, одинаково тяготеет к ней, борется за нее с одинаковым мужеством, и храбростью, как самое развитое, так и самое неразвитое существо. Не говоря уже о человеке, об этом царя природы, (как это часто его величают, несмотря на то, что большинство этих царей находится на положении нищего, среди неисчислимых благ природы), но если проанализировать существа, в умственном развитии стоящие гораздо ниже человека, то станет неоспоримо ясным, что свобода присуща всем и каждому. Этот анализ лучше всяких реформистских теорий докажет, что свобода есть не столько как результат интеллектуального развития, сколько как свойство **природных даров**

ний.

Свободой одинаково может пользоваться, как умный, так и невежа, как сильный, так и слабый, как долголетний, так и кратковременный, как красивый, так и безобразный, как злой, так и добродушный, не найдется **ничего** в жизни, чему бы была чужда свобода, (за исключением человека - царя, который согласно реформам и др. трактованиям, еще не дорос до свободы). Какая галлюцинация! Зверь, бродящий по лесу голодный, холодный, преследуемый врагами на каждом шагу, попадая в золотую клетку, где ему есть довольно яств, — тоскует, плачет, часто умирает, не имея возможности за быть то, что его окружало в лесу. Птичка, обездоленная стужей, разгребаящая навоз, добывая пропитание, попадая в сеть, где ей есть и зерен вдоволь, чай с сухарями, — всеми силами старается вырваться из этой роскоши и опять по пасть в 'об'ятия стужи. И почему все это так? Неужели зверю, птичке так приятно страдать, голодать, вместо того, чтобы быть сытым, обезпеченным, в тепле и холе? Ах, нет, нет! Не голод и лишения их манят в лес, или в поле, а **свобода**, на свободе им гораздо приятнее иметь невзгоды и страдания, чем вневолье довольство и уют. Глупые они создания, они хотят свободы, но прошли ли они подготовительную стадию к ней? А что скажет былинка заглушенная более сильным растением и оттягивающая как можно далее в сторону от своего порабитителя, дабы иметь возможность любоваться солнечными лучами, где ее подготовка к свободе? Почему она с первого дня своего появления на свет быстро уклоняется в сторону от глушащего ее растения, почему она неждет, пока эволюция выдвинет ее более благоприятным моментом для этого? Да потому шепчет обиженная былинка, что я как и все, есть создание природы, а всякое природное создание со дня появления на свет, и до последнего момента жизни **должно быть свободным, ни одной рабской минуты** в жизни по закону природы не должно быть, создатель . природа творит и зовет исключительно к жизни, а **рабство не жизнь**. Таков закон природы. Чтоке ты Человек, ты ли не создание при

роды, ты ли не сын ее, так почему же ты не чттишь законов своего создателя, почему ты раб? Ты, чей ум вознесся на самую вершину жизненной пирамиды, пред которым трепещут и заивают все твари, — ты считаешь себя несовершенным к свободе, забывая, что ты создан свободным, что твое начало есть свобода. Вспомни только свои детские годы, знал ли ты тогда, что такое рабство? Нет, твой крохотный ум тогда неимел преград, твои молодые мысли носились как беззаботные птички, в доступном твоему воображению пространстве. Но коль скоро ты начинал вникать в чашу жизни, страх и рабство овладевали тобой, постепенно отвоевывая у тебя веру в себя, вскоре ты наткнулся на суровую стену предрассудков, пред которой трепеща ты склонил врожденную в тебя волю, ты признал себя рабом! Знаешь ли какое ты этим сделал преступление, ты не только преступник, но и предатель. Признавая себя побежденным, не достойным, никчемным, ты не только изменяешь своему явлению и оскверняешь свою честь, но этим самым вносишь еще не один камень и без того в грубую стену предрассудков. Последующий за тобой наивный ум, натянется на эти холодные камни твоей трусости и в подражание так же, как и ты преклонится пред ними, способствуя тем самым упрочению мощи предрассудков. Напрасно вы будете ждать и надеяться на крушение подпираемо вами самими мощ, последняя будет непоколебимой до тех пор, пока пыразвившаяся грозная туча, одним метким ударом молнии не расшибет сложенную, вековыми предрассудками стену, осколками которой будут подавлены и те, которые скрестя руки, сидели у подножия стены, ожидая ее естественного крушения. Тот, кто ждал, пока он из незначительного существа, не превратится в громадного великана, одаренного Геркулесовой силой, чтобы без особых затруднений побороть несправедливости, кто ждал, пока его природные, одаренные свойства не заменятся каким то оптическим составом, кто ждал, пока ему присущие необходимости не устранятся, или будут обслуживаться каким-то чудом, кто ждал всего, но ничего не мог дожидаться. В самом деле сколько бы ждать

понадобилось для того, чтобы современное общество достигло ступень развития зверя, или другого ему подобного существа, умеющего пользоваться свободой.

А что общество, на основании реформистских воззрений должно идти в этом направлении, двух мнений быть не может, ибо как это видно свобода, уже находится в стороне существ, в умственном отношении стоящих гораздо ниже человека.

Постепеновцам-реформистам все это может показаться глупостью, болтовней, насмешкой и т. д., но это факт констатируемый самой природой. Из этого факта определенно ясно, что все искатели свободы, если они искренне хотят обрести таковую, необходимо должны не прогрессировать, а регрессировать, чего в сущности нет и быть не может. В действительности мир в целом, как вода в реке неуклонно стремится все вперед и вперед по пути прогресса, что на первых порах при стечении таких обстоятельств, дает повод думать, что, не приближается, а отдалается от свободы. Какже это так удивятся многие легковверные, в таком случае свобода утеряна на веки, ибо нельзя же повернуть колесо прогресса в обратную сторону, где же тогда искать свободу, каким путем можно ее достигнуть? Святая наивность! Где искать свободу, да разве свобода вещь, что ее можно отыскать, или утратить. Найдется ли хоть один мудрец в совершенном обществе, который решился бы определенно доказать, где начинается и где кончается свобода, и в какой именно части мировоззрения она распадается. Только маниак может говорить в подобном тоне. Свобода не государство, в которое можно попасть, проехав известное пространство рабства. **Свобода — идеал, безначальный, безконечный, безграничный, заключающийся везде и всюду.**

Но если кому уж так непременно хочется, если ему приятно, или необходимо искать свободу, то пусть он ее ищет не в пространстве, не во времени, не в ступени развития, а в самом себе. Загляни только, искагель свободы, в свой внутренний мир, открой двери своей житницы — души и ты узришь, что там полно свободы.

Свобода с тобой, она тебя не покидала со дня твоего рождения, но она была заглушена диким бурьяном твоего страха, пригнутая, придавленная, она тосковала, плакала, жалела тебя за твою робость, тяжело было ей, но она тебя не оставила она с тобой неразлучна, **свобода это ты!** Если же ты не свобода, тогда ты не „ты“, а „что-то“, что-то, комуто принадлежащее, комуто служащее, но не себе, ибо „что-то“ не имеет себя. Напрасно это „что-то“ ища свободы будет рыскать в пространстве усовершенствоваться, вникать в загадочное, свободы оно никогда не обратит, до тех пор, пока не обратит самого себя. И так свобода нераздельна с человеком, человек есть свобода, но почему же этот человек продолжает быть рабом, почему он и по сей день стонет под жестокими ударами

раба? Потому **ответят реформисты** — эволюционисты, что сегодняшний человек еще недостаточно созрел, не эволюционировался и проч. и проч. Напрасно добрые радители, стараются прикрыть причину следствием, в то время когда следствие порождено причиной, а причина, есть рабство. Что современное общество еще не созрело, это да! но возможно ли когда либо обществу созреть в обыкновенном значении этого слова, есть ли такая точка, дойдя до которой интеллект становится бы в своем развитии?

По реформистки такая точка вполне есть и называется она свобода, согласно их воззрениям общество развивается лишь до тех пор, пока не достигает свободы, когда же это будет достигнуто, тогда всякое развитие становится совершенно излишним, так как всего уж мол есть достаточно, все достигнуто. В сущности же как раз наоборот, только с достижением свободы общественное развитие во всех его проявлениях гигантскими шагами двинется вперед. Следовательно не развитие должно предшествовать свободе, **а свобода развитию.** Без свободы всякое развитие, если не топчется на одном месте, то лишь черепашными шагами подвигается вперед, но даже и это чахлая движение в силу окружающей среды стелется по ложно-утрамбованному руслу. Вот почему мало основательности надеяться, что эволюция могла вскрыть в глазах обще

ственного мнения все существующие социальные несправедливости. Эволюция как и всякое развитие современного общества в силу экономического неравенства; подвергается буржуазной монополией, что уже само собой разумеется монополизируемая буржуазией эволюция не может двигаться естественным путем, а вынуждена идти в такт буржуазным интересам. Если бы действительная эволюция не подвергалась контролю буржуазии, можно быть уверенным, что от гнета, насилия и других несправедливостей, давно бы след простыл. Кому же может быть еще загадкой, что значительная часть мышления существующего общества, при помощи школы, церкви, прессы, кинематографа и других институтов находится под опекой буржуазии. Возрешения на положение вещей, понятия о жизни, равно как и всякие другие науки, вдавливаются обществу в таком виде, какой более всего соответствует буржуазному положению и более всего извращает рассудок рабочего. И может ли все это называться естественной эволюцией? При такой ситуации вещей, надеяться от эволюции чего-то особенного, равносильно ожиданию в пустыне среди знойных песков, явление ключа. Гипноз предрассудочно современного строя столь присущ и обыден, ложное течение значительной части мнения столь широко и лицемерно, что одного инстинктивного ограждения недостаточно, чтобы противостоять все извращающему водовороту, необходимо выдвинуть что-то сверх инстинктивное, необходима революция, которая только одна способна дать эволюции возможность достигнуть своего апогея. А для этого ненераскритичность, не ум, а среду нужно третировать в глазах общественного мнения.

Ю. Карпик.

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК.

Волк кормленный, конь леченный, да недруг заморенный
ровно надежды.

Русская поговорка.

В 31 октябрьском номере „Либерейтор“ из

вестный журналист, Роберт Майнор, таяко исповедуется перед Лениным и всей газетной командой, в своих грешках, в том, что он когда-то осмеливался думать по-анархистически!

Если бы из среды свободно, анархистически мыслящих людей уходил человек проникнутый идеей анархизма, и уходил бы, как честный человек, изменивший свои взгляды на жизнь и не чувствующий за собой ни пред кем никакой вины, тогда, естественно, можно было бы пожалеть об этом. Если бы уходил человек случайный, каким является Р. Майнор, и уходил бы тоже как газетный человек, можно было бы махнуть рукой: „пришел не зван, уходи не дран“, как говорит пословица.

Но в данном случае ни то, ни другое. Майнор, совершенно случайно, мыслит когда-то по анархистически. Из его личного признания видно, что анархистическое воспитание он получил где-то на массовом митинге и по случайным прокламациям. И уходит он (от куда?) с такой же шумной и широкой сенсацией, как и выступал против большевиков. От всей его исповеди несет таким неприятным запахом, от которого просто тошнит. Ни одной глубокой честной мысли, ни одного разумного благородного слова. Как испуганная собака, лает на неоправдавшего ее надежду хозяина, — забившись под ногу — новому, так и Майнор лает мелко, фальшиво и лицемерно!

«Я искренно жалею, что я не был подвергнут партийной дисциплине, когда я совершал известные журнальные промахи», жалуется Майнор; он сознался, что он теперь только задался целью выяснить себе сущность марксизма и анархизма. Для этого он взялся читать капитал Маркса, «Государство и Революция» Ленина. „Зарождение Семьи, Собственность и Государство“ Энгельса и Государство и его роль в Истории, Кропоткина. Капитал Маркса самозванный анархист и на этот раз бросил, а прочел только брошюры Ленина, Энгельса и Кропоткина. Из этих брошюр он сделал вывод, что «Маркс и Энгельс создали безгосударственную философию, тогда как Кропоткин да же не понял ее».

Каково открытие? Разве мы не видим, как

самые ученые и последовательные ученики Маркса и Энгельса, Ленин и Троцкий перестраивают общество на основе «безгосударственной» философии! Партии и ее дисциплине безсловесно подчиняется каждый коммунист. На всем протяжении, куда распространяется власть комиссаров, нет единой свободной личности. Об этой дисциплине и плачется Майнор. «Отнять у личности на один момент ее верховенство — значит ее обезчеловечить, оставить ей только труп», — говорит анархист Новомирский. Энгельс, как социолог рассматривает общество с образом жизни семьи, Кропоткин, как ученый доказывает, что общество не было выдуманно человеком: оно существовало раньше появления первых человекоподобных существ.

Если бы „анархист“ Майнор не ограничился брошюрой Кропоткина — «государство и его роль в истории», а прочел бы научное исследование и критику теории Дарвина — «Взаимопомощь как фактор Эволюции» того же Кропоткина, тогда бы он увидел, что не понимая «безгосударственной философии» Кропоткин находит гармонию безгосударственности даже среди низших животных и, что не только теория более приспособленных определяет эволюцию, но также и взаимная помощь играет громадную роль в животном царстве.

Самое возмутительное в исповеди г-на Майнора это то, что он не доставил себе труда основательно познакомиться с широкой анархической литературой, а нахватавшись ходячих копеечных брошюрок, позволяет себе мешать великое учение анархизма со всякой дребеденью. Кропоткина он мешает с буржуазными писателями, а Бакунина представляет в роли метафизика!!

Хотелось бы спросить испугавшегося „анархиста“ Майнора указать более проникновенного ученого теоретика анархизма, чем Кропоткин! Кто другой, кроме Майнора, изучавший Бакунина, а не прочитавший ту, или иную брошюрку, кто назовет Бакунина иным именем, кроме революционера реалиста?

Майнор говорит, что Бакунин в брошюре „Бог и Государство“ оставляет науку и пускается в метафизику. Посмотрим, что говорит в этой брошюре Бакунин: „Бог, вернее фик-

ция бога,“ освящение духовное и моральное, причина всякого рабства на земле.“ В самой природе государства есть нечто, толкающее к протесту против него!“ Это ли не метафизические газлагольствования? Или в этом больше реального, чем в существовании типичного „анархиста“ Майнора?

В брошюре Кропоткина „Государство и его роль в Истории“ Майнор впервые прочел слова, „абсолютная свобода.“ Эта „абсолютная свобода“ повергла „храброго анархиста“ в мистический страх.

Что такое „абсолютная свобода?“ спрашивает сам себя Майнор. Я никогда не видел, не чувствовал ее или проявления ее.

„Абсолютная свобода“ есть нечто не существующее, никогда не существовавшее и не могущее существовать,“ истерически кричит Майнор, прочитавший пару анархистических брошюрок.

Разве может человек мещанского уклада ума подняться выше полезного, видимого, осязаемого в кармане или в кошельке? Если бы он мог проникнуться чувством и сознанием абсолютной свободы, он не стал бы так глупо отрицать существование абсолютной свободы, если бы он даже лично и разочаровался в ней. Абсолютную свободу нельзя выудить из копеечных брошюрок, даже и анархистических. Свободе нужно раньше почувствовать в себе, нужно ее пожелать, научиться любить и жить абсолютно свободным в себе самом. Для этого необходимо полюбить свободу больше жизни, полюбить свободную и только свободную, прекрасную жизнь свободных людей. Такой свободы никто не может дать человеку, ее нужно взять.

„Чтоб стать истинно свободным, человек должен убить в себе всякий рабский страх смерти. Вековое стремление к великому должно заменить эту жалкую жажду к существованию,“ говорит Новомирский. Пожелать великого и пожелать его сильно может человек забывший полезное. Утилитарист — мещанин не может постигнуть сущности абсолютной свободы. „Я только тогда свободен, когда окружающие меня — мужчины и женщины свободны“ говорит Бакунин.

„Если моя личность священна для меня,

говорит свободный человек, то вдвойне священна для меня личность другого, потому, что она мне еще менее известна, еще более загадочна и таинственна, чем моя, потому, что я еще более боюсь оскорбить ее малейшим грубым прикосновением, боюсь оскорбить свое божество — душу человеческую.“

„Это говорит ангел,“ скажет испугавшийся свободы „анархист.“ Нет это говорит свободный человек, человек, не только любящий свободу, но умеющий ее добывать. Для того, что бы быть свободным прежде всего нужно быть противником, бойцом всякой неправды, быть безкорыстным служителем именно абсолютной свободы.

Я не смотрю на Майнора как на утерю в рядах анархистов, — тогда я бы и словом не обмолвился. Меня возмутила та дутая сенсация, какую поднял случайный пришелец за счет честных революционеров, преданных борцов за права поработенных.

К. П.

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

На обсуждение вопрос об отношении анархистов—коммунистов к рабочим экономическим организациям много уже было употреблено времени, много мнений и заключений высказано в анархистической литературе. По моему мнению этот вопрос весьма важен и совсем уже не так сложен, как многие из наших товарищей думают.

Все мы сходимся в одном, именно что рабочие эк. организации, или союзы, какого бы вида они не были, все они одного происхождения, все они возникли и возникают в силу совокупности всех условий и обстоятельств современного общества, покоящегося на эксплуатации рабочих капиталистами и государством. Таким образом, все они уже в своем зародыше несут характер защиты и борьбы против экспло-

атации. Дело только в том, как эти организации и союзы понимают эту борьбу! Это, чисто субъективная сторона в рабочем движении, и объясняется психологическими данными т. е. отсутствием или присутствием (в большем или меньшем размере) революционных элементов в воспитании тех организаций. Поэтому мы, в одной и той же стране, при одних и тех же объективных условиях, часто сталкиваемся с двумя совершенно противоположными рабочими организациями в смысле их революционности. Например, кто из нас в Соединенных Штатах Америки не знаком с Федерацией Труда и индустриальными рабочими Мира! Первая по своей форме хотя и соответствует условиям нашего времени, но по своему внутреннему содержанию является не только не революционной и консервативной, а явственно реакционной. С внешней стороны действительно кажется что в этой гигантской рабочей организации объединены все рабочие профессии для общей борьбы против эксплуатации по принципу: все за одного и один за всех, но в действительности часто бывает так: когда рабочие одной профессии бастуют, то рабочие другой занимают место бастующих как стачколомы.

Генеральная забастовка и социальная революция для этой организации также страшна, как и для капиталистов и государства.

Ясно, что представление о рабочей борьбе в этой организации совершенно ложное; но оно вполне согласующееся с идеями привитыми официальным школьным воспитанием и кинематографом. С полной уверенностью можно сказать, что Американская Федерация Труда только проводит в жизнь идеи официальной американской школы, прессы и кинематографа. Поэтому душа рабочего приверженца Федерации Труда чужда всякого идеала, точно так же как и душа здешней молодежи.

Совсем другое представляют Индр. Рабочие Мира. Эта организация по своим методам борьбы за улучшение условий рабочей жизни является действительно революционной. Но так как, к сожалению эта организация здесь уже превращена в ослá для верховой езды вошедших в нее политиканов — социалистов — централистов, то не может быть речи о свободном, рево-

люционном действии. А это обстоятельство только, как нам известно из опыта, тормозит освободительный процесс.

Эта организация ввиду своей безпринципности и отсутствия строгого абсолютного общественного идеала, может легко слиться или объединиться с социалистической партией, если последняя откажется от парламентаризма и признает прямое непосредственное действие. Нечто подобное недавно произошло в Германии. Я говорю об этом только как о возможности. В процессе повседневной борьбы этой организации против капиталистов могут создаться и такие условия, при которых легко будет обратить ее в сторону анархистических идей; тогда влияние политиканов исчезнет, она пересторится и пойдет по направлению нашей идеи, подобно революционному синдикализму во Франции, Испании и Италии.

Во Франции (то же в Испании и Италии) имеется еще другой вид синдикализма, который по своей нереволуционности (реформистской) и направлению (находясь под опекой политиканов-централистов) совершенно противоположен революционному синдикализму.

Мы отметили выше более типичные виды существующих ныне рабочих экономических организаций. Все они в своей основе имеют один и тот же лозунг: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, т. е. легкие требования повседневной жизни; токова их программа! Раница только в средствах достижения этих требований. Одни из них выбирают ложные средства, для достижения своих целей, другие же более действительные, как одни, так и другие состоят из людей с различными политическими предубеждениями или убеждениями.

Даже и революционный синдикализм, который из всех видов рабочих эконом. организаций более родствен анархистам-коммунистам, представляет собою только массу рабочих, среди которой господствуют еще всевозможные предубеждения. Большой ошибкой было бы для анархиста коммуниста, войдя в эту организацию отбросить свою чисто анархистическую организацию, якобы больше ненужную. Во первых это было бы ошибкой, потому что в синдикате мы официально не можем заниматься пропагандой

нашей идеи, во-вторых — перенося всю нашу деятельность в синдикат, мы, волей не волей, должны пойти на компромисс с программой синдикалистов и предубеждениями разнородной массы, членом той организации. А если это так, то для более плодотворной пропаганды нашей идеи, мы и войдя в синдикат, не должны бросить свою чисто анархистическую организацию, а более поддерживать ее. Ведь революционный синдикализм представляет для нас ни что иное как только удобную сферу для распространения нашей идеи; он только подготовленная почва для анархистической пропаганды.

Если, например, многие анархисты коммунисты во Франции увлеклись этой массовой организацией и оставили свои чисто анархистические организации, то этим они нанесли только ущерб анархистической идее, они несознательно оказались предателями ее. Я вполне согласен с ними, когда они говорят, что революционный синдикализм — дитя анархистической пропаганды. Но не надо им забывать, что эта пропаганда явилась совершенно извне, т. е. не из самих синдикатов. При чем, как известно, на эту пропаганду откликнулись лишь только после того, когда значительная часть рабочих, после опыта, разочаровалась в своих вожжах социалистах-политиканах.

Значит, вопрос о революционном синдикализме, или революционном индустриализме можно свести просто к вопросу о рабочих экономических организациях или профессиональных союзах и поставить его так: должны ли мы, анархисты коммунисты, вообще принимать участие в этих организациях или союзах? Я думаю, что этот вопрос очень легко может быть решен в зависимости от условий работы в данной промышленности: где все рабочие синдикализированы, юнионизированы, или индустриализованы, там, как каждому из нас известно, иначе не получить работу, если не вступить в рабочую организацию.

Если же я могу войти и не войти в организацию, то в такую как Федерация Труда я уже лучше не войду против того, чтобы войти в революционную рабочую организацию, если такая имеется там где мне приходится работать, я ничего не имею. Но это я делаю только из-за

солидарности с разнородной рабочей массой. Оставаясь всегда при убеждении, что борьба за нашу идею может вестись только вне этих организаций, неофициально. Поэтому на первом месте мы всегда должны ставить наши чисто анархистические организации, группы и федерации. Без них наша идейная работа не может вестись целесообразно и с успехом.

Руцел

«НЕМНОЖКО.»

За период овропейской бойни, среди выходцев Галиции успел сложиться следующий анекдот. Один галичанин — рабочий, встретив своего односельчанина еврея, и считая по обыкновению последнего более осведомленным в мировых событиях спросил, кто победит? «Наши», недолго думая ответил еврей. Как так! удивился галичанин, русские захватили всю Галицию, а ты говоришь, что наши. «Потому то я и говорю, что «наши», возразил еврей. Спустя некоторое время, когда русская армия была изгнана из Галиции, тот-же галичанин-рабочий опять встрогил того-же самого еврея и пронически спросил, «а что кто победил?» „Наши“ опять недолго думая ответил еврей. Что ты мелешь, заупорствовал галичанин, русская армия уже далеко оглядывается на востоке от границ Галиции, а ты говоришь, что наши. Ну вот я и говорю, что «наши» победили; пояснил еврей. Среди героев подобных анекдотов оказался и Роберт Майнор, согласно которому русскую революцию со всякой точки зрения совершили только «наши». Непостоянность либеральных взглядов всегда сказывается, когда дело доходит до определенной точности. Выходная негой условий их жиденькая психология оказывается эфирной пред суровой действительностью, и как общее правило в таких случаях непременно хватается за компромис, не смотря на всю комичность и нелепость последнего. Было время, когда Р. Майнор жил в России, дышал атмосферой революции, пил из ее кубка, и на каждом шагу слышал прибой революционной волны. Но тогда Р. Майнор не знал ни России,

ни ее народа, ни ее революции. И только спустя год сплотиною Р. Майнор очутился в зачужах, за сотни тысяч верст от России, вдруг узнал Россию, ее народ и ее революцию, и узнал не провидением, ни каким либо чудом, не восне, а копаясь в толстых томах Марковского «Капитала». Бедный Р. Майнор! Зачем было ездить в Россию, почему бы раньше не покопаться в «Капитале» Маркса? Эх неопытность, неопытность! Живя в России Р. Майнор думал, что революцию совершили анархисты, в «Капитале» Маркса он узнал, что ее устроил Ленин, устроил иведет к конечной свободе, и надо подлагать, что доведет. Об этом можно положиться на самого Р. Майнора, как на старого последователя «естественных» законов. Будет мало удивительным, если через несколько времени Р. Майнор в силу тех-же «естественных» законов, опять «немножко» изменит свой взгляд и назовет большевистский строй тоже несовершенным, вследствие нецройдения меньшевистской школы. Ведь то тоже естественный закон. Если уж становимся безпристрастно на точку зрения естественных неизбежностей, тогда русской революции в интервале монархического правительства и большевистского режима, потребовалось бы не одно кратковременное правительство Керенского, а прошли бы столетия пока-бы начиная от кадетов, и кончая желтыми социалистами, Россия дошлабы до большевистского строя. Но у Р. Майнора пока еще не набралось достаточно мужества отвергать факты, свое доктринерство, он пробует обосновать на туманной естественной логике, делая таким образом фактическую нелогичность. Если Р. Майнору его-же постепенновщина позволяет прыгать из монархического строя в большевистский, тогда чем может обуславливаться невозможность перехода из буржуазного строя в безначалие? Если у Р. Майнора есть возможность избежать желтой диктатуры, тогда почему общество должно проходить сквозь «красную» диктатуру? Ведь сам Р. Майнор не отвергает тот факт, что диктатура пролетариата еще не есть конечная цель революции — свобода, а раз она не свобода, тогда почему нельзя ее игнорировать также само как игнорируется диктатура, интеллигенции,

науки, силы, ума и т. д. Следовательно, что доктринерство Р. Майнора основывается не на естественных законах, а просто на рутинерстве. Вся его статья свидетельствует о том, что он агент какой-то слепой ортодоксальности. Он даже дошел до того, что революцию начал судить на основании личностей. Р. Майнор увидал П. Кропоткина, окруженного членами организаций, молодых христиан, и того ему оказалось достаточно для того, чтобы идеал анархизма поставить на более реакционную ступень социалистического государства. Напротив, Ленин для него оказался сверхчеловеком, сверхпророком и он один отражает не только большевистскую фракцию, но и русскую революцию в целом. Такова сила агенства. Хотя нет нисколько сомнения в том, что свое выступление Р. Майнор сделал скорее на конфединальных стремлениях, чем на основании логики, и даже больше того, под влиянием извлечения личных выгод, например, должность комиссаров, однако вопрос приходится анализировать с принципиальной точки зрения. Думается, что даже доктринерство Р. Майнора не позволит ему назвать революцию игрой или торгом, а иначе как борьбой. Одно уже название борьба, свидетельствует о том, что то, за что «борьба» происходит может торжествовать лишь в том случае когда «борьба» доведена до такой крайности, где одна из сопротивляющихся сторон, доходя до полного безсилия вынуждена сойти со сцены. Всякая же передышка или компромисс со стороны победителя, даже в самый надежный момент, может оказаться роковой для последнего, ибо даже малейшее ослабление давления представляет возможность врагу собраться с силами. Борьба до полной победы, пишется клич на знаменах и знамена не должны опуститься до тех пор, пока написанный на них клич, методом прямого действия не будет осуществлен. В осуществлении конечной цели революции, диктатура пролетариата, сколько бы о ней не говорили, сколько-бы ее не восхваляли, фактически является ослаблением прямого действия, так как вместо силы предпочитает декретство. **Не декретами, а силой достигается победа в борьбе.** На борьбу нужно смотреть всесторонне, нужно учитывать и то, как

поступает буржуазия в случае победы над своим врагом пролетариатом, находится ли в ней хоть капля снисхождения или человечества к своему противнику? Было бы смешно сказать, что да! И с точки зрения борьбы буржуазия вполне права, рассчитываясь с рабочими самым жестоким образом. «Борьба» не игра, а соприкосновение двух противоположностей, жизни и смерти. Но почему же пролетариат должен быть снисходительным в случае победы над буржуазией? Какие тут естественные законы? Почему он вместо того, чтобы раз навсегда покончить с угрожающей ему опасностью, должен останавливаться на полпути и издавать какие то законы и при помощи последних, уничтожить то, что он мог бы уничтожить силой? Законы полезны только там, где нет силы, а последняя во всех проявлениях всегда на стороне пролетариата.

„Долой сантиментальность! Врагу вечная месть!“ (говорит Прудон) Буржуазия безпопыха к пролетариату и пролетариат не должен ли тать жалости к буржуазии. Вот естественный закон, на основании которого должен руководствоваться пролетариат во время революции. Всякая революция в начале напутствуется этим законом, до тех пор, пока возвысившаяся над общим уровнем масс кучка лиц не захватывает контроль над революцией. Так произошло и с русской революцией. Большевики как только почувствовали прочность своей мощи, постарались вместо продолжения экспроприации капитала, организовывать управление Россией. „Мы должны теперь Россией управлять,“ говорит Ленин на 7-й странице своей брошюры, „Очередные задачи Советской власти“. Стремясь остаться у власти, большевики тем самым старались быть как можно коректнее по отношению к буржуазии, они вопреки своей тактике приостановили наступление на капитал, предпринимая давление лишь в тех случаях, когда последний грозил их существованию. Прямую борьбу они заменили декретством, что дало возможность буржуазии приютиться под крыльями новых законов. Прежний владелец частной собственности, до национализации, являлся лишь собственником, с переходом-же „его“ собственности в государство, он стал и собственни-

ком и государством, отчего само собой разумеется ни напугу не укротилась эксплуатация рабочих. Прежде рабочие работали под надзором директора от имени владельца, теперь же они работают под надзором того же директора от имени государства. Суть эксплуатации остается одна и та же. Но даже подобная „экспроприация“ относится лишь к крупным владельцам, что же касается мелких собственников, то они не только избежали „экспроприации“, но охраняются большевистскими законами. Большевики всячески способствуют процветанию мелкой буржуазии, они подвозят сырье к их мастерским, делают у них заказы, и т. д. стараясь таким образом (вероятно на основании естественных законов) экспроприировать последнюю.

Приходите к нам и убедитесь, что мы порядочные люди как и вы, мы также умеем править народом как и вы, разница наша только в названии, в сущности же мы и вы одно и то же. Таков смысл и значение всех оттрешиваний задворков Лондона, Копенгагена, Стокгольма и др. городов большевистскими комиссарами. Не к рабочим а к мировым вампирам обращают свой взор большевики, в надежде сохранения своей власти, (см. надежды большевиков на избранного президента Америки г. Гардинга). У большевиков есть друзья с права — у них есть враги слева. Разумеется было бы глупостью неиспользование всяких методов в целях революции, но компромисс отдача в руки империалистов природных богатств, сводит революцию к нулю. В России теперь нет частной собственности, все принадлежит всем, говорит Р. Майнор и вместе с ним, но как же это был отдан в руки американских капиталистов полуостров Камчатка, не на основании ли частной собственности? И кто его отдал? Государство, скажет Р. Майнор. Но что значить, согласно большевистской программе государство? Весь народ, ответит Р. Майнор. Следовательно продажа полуострова Камчатка и некоторых частей Сибири, американским капиталистам, была произведена всем русским народом, или по крайней мере с согласия последнего. Так ли оно в действительности. Можно с уверенностью сказать, что если не все, то боль-

шинство рабочих России абсолютно ничего не знает о сдаче Камчатки. Но кто же все таки продал полуостров Камчатку? Государство. Кто государство? Большевики. Вот и весь ответ. Собственность принадлежит государству, а государство большевикам, следовательно с государством и все принадлежит большевикам. Ленин в обращении к крестьянству говорит: «вы не имеете права развернуть даже сарай, ибо он принадлежит не вам, а государству». Государство собственник! Р. Майнор торжествует, что он наконец узнал, что государство возникло на почве появления частной собственности и может существовать лишь до тех пор, пока существует частная собственность. Напрасно Р. Майнор торжествует, факт показал, что государство первоначально может существовать и после уничтожения (декретами) частной собственности, и существовать не в качестве ликвидатора, а в качестве собственника. Вот уже три года прошло как совершилась русская революция, а в чем является худшим русское правительство в данном случае большевистское, любого правительства в мире? Разве оно не также суверенно как и все остальные правительства? Все его деяния говорят, что да! Большевистское правительство имеет даже больше прерогатив, чем какое либо другое правительство, оно не только делает сделки, объявляет войны, заключает мир т. е. контролирует внешнюю политику, но фактически распоряжается всей внутренней жизнью страны, опираясь при том на пресловутую волю народа. Оно указывает, сколько кто должен кушать, сколько кто должен трудиться и сколько кто должен получать за свой труд и разумеется ни в коем случае не забывает своих. Все эти постановления большевистского правительства должно быть известно Р. Майнору, на каком равенстве они основываются. Сколько получает и как живет, рудокоп, — сколько получает и как живет художник тоже должно быть известно Р. Майнору. И при всех таких обстоятельствах Р. Майнор не только осмеливается приписывать равенство в атмосфере государства, но утверждает, что там уничтожена собственность (чья?) Собственность уничтожена, но каким же образом существует заработок

ная плата помимо собственности? Пусть перекопает Р. Майнор все «Капиталы» Маркса, найдет ли он ответ на этот вопрос? Было бы еще до некоторой степени логически, еслибы какой-нибудь „догматический“ большевик видел в государстве отражение коммунизма, но Р. Майнор, тот самый Майнор, который всякую остановку в смысле понимания, считает ретроградной, вдруг узрел в государстве симптом коммунизма. Государство и коммунизм, как это все иронически звучит! Главные аргументы свой взгляд доизменческой статьи Р. Майнор черпает из того, что государство как спутник частной собственности, неизбежно в переходный период, для удержания централизации, как средства уничтожения частной собственности. С уничтожением последней, Р. Майнору открывается какая-то неопределенная точка, которую повидимому и сам Р. Майнор не может еще предугадать, но он видит в теории Энгельса, что так должно быть. Р. Майнор повидимому забывает, что уничтожение частной собственности совершается в акте экспроприации, а не в переходный период. Национализация богатств, фактически не уничтожает собственности, а лишь видоизменяет ее, собственность из рук многих владельцев, переходит в руки одного гиганта-владельца, государства. Но государство не может быть чем-то абстрактным, чем-то обосновывающимся вне масс, государство как реальность фактически заключается в нескольких личностях, которые не только уже не повинуются государству, т. е. самим себе, но при помощи государства возвышаются над общим уровнем масс, и от имени государства диктуют волю личностям остающимся вне государства. Они — государство — повелитель, остальные их подчиненные — вассалы. Государство — как бы доступно и открыто не казалось, население в целом вместить не может, это абсурд, чтобы весь народ был государством, в таком случае государству не было бы кем управлять, без этой же функции государство существовать не может, функций государства указывать, а не выполнять, выполняет тот кто стоит вне государства, вернее, под государством. Государство — закон, оно пишет законы, но не для

себя, а для других, ибо пишущий законы никогда не исполняет их, законы — воля пишущего их, его желание, вынуждающее каждую личность его выполнения. Но так как государство реальность, поэтому оно не может быть объективно, в таком случае оно напоминало-бы автомобиль без шофера, оно было-бы мертво. Как для того, чтобы автомобиль действовал нужен шофер и первый всегда повинуетея воле последнего, так и для того чтобы государство функционировало нужна субъективная воля, т. е. органично число (ибо все не могут попасть) личностей. Личности попадающие в кодекс государства, фактически и есть государство, они контролируют и хозяйничают всем тем, что заключается в государстве, последнее служит им не более как в качестве зонтика от дождя, они им прикрываются, и могут его как комок глины вдавливать в более соответствующую им форму, но ни в коем случае не допустят до того, чтобы государство умерло естественной смертью. Государство — при привилегия нескольких личностей, поэтому неосновательно глупо думать, что последние будут способствовать не укреплению, а уничтожению своих привилегий. Р. Майнор в этом отношении увлекаясь теорией Энгельса, оказался настолько метафизиком, что гибель государства приписал какому-то чуду. Когда и как исчезнет государство, ответом на это он уносится в политическую эпоху Энгельсовских предположений, совершенно забывая то, что он живет не в каменном или ледниковом веке, а в период развития культуры и цивилизации, где рабство может быть вызываемо всякой привилегией. Допустим даже, что действительно в социалистическом государстве будет уничтожена частная собственность, то и тогда государство имеет достаточно основания для существования. Но фактически с проведением национализации, государство из **защитника** собственности, превращается в ее **владельца**. Может ли что либо быть сильнее и могучее того государства, которое будет существовать от имени всего народа, и контролировать все то, что называется государством, а государством в таком случае будет называться поголовно все. Совершенно прав Р. Майнор говоря, что с упро-

чением такого государства, исчезнет формальное подразделение на классы и вместе с тем классовая борьба. Если в атмосфере частной собственности пролетариат имеет кой-какие претензии на легальную борьбу, со своими эксплуататорами, то с переходом собственности в руки государства ничего подобного не может быть. Государство определить заработную плату рабочего и последний должен будет или работать или умереть, другого выхода не будет. Вот почему дорожное значение свободы тому, кто стремится к ней, — старается в корне уничтожить зарождающийся с неограниченными полномочиями авторитет государства. Р. Майнор прекрасно все это понимает, он сознает, что государство — тирания, он стремится к уничтожению государства, но не в акте революции, а путем каких-то „естественных“ законов. На основании этих законов Р. Майнор в такт всевозможным постепенцам-реформистам, поет о пресловутом „переходном периоде“, при помощи которого рабочие всегда ввергались в объятия инертности.

Как долго должен длиться переходной период? Об этом ни Р. Майнор, ни кто либо другой из последователей „естественных“ законов, ничего не знает, но судья по структуре, и обаяности самого переходного периода он может быть перманентным, ибо недостатки на основании которых покоится переходной период всегда будут ощущаться среди народа. Общество как бы развито оно не было никогда не может дойти до кульминационной точки усовершенствования. Оспаривая неизбежность переходного периода, Р. Майнор тем самым ставит нынешнее развитие масс, на самую отдаленную ступень от идеала свободы. Они-де (рабочие) думает Р. Майнор, еще незрелы для пользования свободой, а вот мы ученые узнавшие ее напролет, взявши на себя роль комиссаров, научим рабочих как пользоваться свободой. Вот в чем заключается сущность переходного периода. О том, что общество в целом не созрело для пользования свободой это факт, ибо если бы оно не было таковым, тогда не было бы и рабства на нашей планете. Но пусть потрудится Р. Майнор перебрать все существа населяющие земной

шар, найдет-ли он среди них хотябы одно, которое не может пользоваться свободой, не пройдя курс переходного периода? Все, начиная с гигантов-великанов и кончая незримыми: не вооруженным глазом молекул, с присущим им свойством, пользуются свободой, а человек, это высшее существо, недостойно этого до тех пор, пока не пройдет известную школу мунштровки. По истине убогая логика. Напрасно Р. Майнор старается доказать, что рабочий еще глуп, необразован, не развит; а поэтому то он должен терпеть гнет. Если Р. Майнор действительно страдает за участь рабочих, то он должен указывать им путь к свободе не посредством соглашательства, или естественных законов, а методом той борьбы, которая уничтожает все то, что преграждает путь личности к полной свободе. Но он как личность белой кости, ужаснулся при одной лишь мысли, что быть может освободившаяся вздорная чернь не захочет коленопреклонно перед изнеженным достоинством белоручек и заявит права на жизнь — право на продукт своего труда.

Ю. Карпик.

ДЕЛО БЫЛО ПОД КУРТИНОМ

Дело было под Куртином
Дело славное друзья, —
Мы дрались тогда с начальством
Под знаменами труда
Кровожадный наш Занкович —
Представитель русских войск
Отдавал свои приказы,
Чтоб оружие сложить.
Но мы, смелые солдаты
Стали грозною горой, —
На нелепые приказы
Отвечали все: „Домой!“
Обозлились генералы
И еще последний раз
Во всю глотку заорали
И издали вновь приказ.
Всем нам строго пригрозили
Саблей, пушкой и штыком,

Но мы все в одно решили,
Что поставим на своем.
Лучше с гордостью за волю
От ударов умереть,
Чем терпеть всегда неволю
И пред барами робеть
Но тираны — генералы
Все твердили нам одно
И в неволе нас держали
Как потомственных рабов.
Мы с досадой все терпели:
Голод, холод и нужду
И пред смертью громко пели
И играли русский марш.
Не успели мы все вместе
Похоронный марш сыграть,
Как раздался громкий выстрел
И на землю брат наш пал
Опечалились солдаты, —
Разошлись по домам;
Было больно и обидно
Нашим бывшим сердцам.
Наш геройский предводитель
Всех старался ободрить
И трусливых солдатшек
Духом бодрым укрепить.
Сам он смелою ногою
На посту своем стоял
И всем раненым солдатам
Быстро помощь подавал
Наш почтенный председатель
Всем солдатам говорил:
„Вы ребята не робейте,
Мы за все им отомстим.
Мы покажем нашим барам
Как в рабов своих стрелять
Безопасно издеваться
И свободы их лишать
Мы научим их свободу
Пролетарскую любить,
Сдать богатство все народу,
Уважать всех и ценить.“

Русский пленник в Африке
1920

В НИВОЛІ.

Стонуть бідні Балканы
Як чорное море
Терпят голод, холод, раны
Відноту и горе

И мы русские солдаты
Без щастья и долі
Будем довго поминаты
Як жилось в неволі

Слов не хвате передаты—
Як французы — супостаты
Поступали з нами
Генералы нас в субботу

Всіх стали питати,
Хто хоче йти на роботу,
А хто воювати.
Зибралися всі солдати,

Стали розбирати,
Чи ййти їм воювати,
Чи всім працювати
Всі кричали по одному

Французам сказати:
„Одвизіте нас до дому
Де ми були взяті.“
Як почували це французи,

Всі стали кричати
А раби їх чорні труси
Стали в нас стріляти.
А потім нас окружили,

По своєму щось сказали;
Всіх в ряди постановили
И до тіла обшукали
Обиск грубій учинили

Хліб и сахар наш забрали,
Дротом нас огородили
И сидіти приказали.

Русский пленник в Африке

В НАБАТ!

Бьет набат! То не рабочий к восстанию зовет, то капитал насытившийся народной кровью ищет зрелищ, ищет потех.

Своих рабов голодных, больных, изнеможенных долгим рабским трудом он бросил на улицу.

Дрожащий, согнутая спина, рабский взгляд побитой собаки. За ним тащится худенькое тело, с мольбой раскрытые громадные глаза, еле слышен лепет голодного ребенка.

Мама, мне холодно! Мама, я голодна! Мамочка есть мы хотим!

Детская душа недоумевает, так много лавок, так много хлеба, она голодна, почему же ее мать не берет хлеба? Мама!

Взгляд голодного раба, смесь злобы и боязни. Нельзя, нельзя! Не трогай, запрещено, не вмещается в детской душе, она негодует, она голодна.

Бьет набат! Слышите ли вы дьявольский хохот капитала? Он к торжеству готовится, глумясь над вами он разбрасывает сооруженные вами здания рабочих организаций, плюя в лицо он выбрасывает вас на улицу, голод, голод посылает он вслед за вами.

Неся мучительную, медленную смерть, не в борьбе, а гния от голода постигнет она раба.

Раб с'ежившийся, раб дрожащий. . .

А там вдали за океаном Русский народ, бывший раб, вот уже три года бьет в набат, зовет и будит к восстанию.

Поняв свою силу, окруженный, голодный он умирает в борьбе с гордо поднятой головой неся знамя воли всем рабам, всем народам.

На помощь к нему! Пока еще есть силы, пока еще не опухло тело от голода, пока еще есть сознание.

Бьет набат! Вооружайся, зови к восстанию, уничтожь цепи рабства, захвати фабрики, заводы, землю и лавки, отбери созданные рабом богатства.

К воле! К обновленной жизни, без голода, холода и власти.

Да здравствует Анархия!

Смерть капиталу!

«ЧТО ЖЕ ИЗМЕНИЛОСЬ?»

Судя по всем сведениям доходящим к нам из России мы видим, что не смотря на многочисленные жертвы, принесенные российскими трудовыми массами во имя революции, последние остаются все же старые.

Тоже не равенство, та же несправедливость и те же гонения сильными слабыми. Все старое, лишь в новой форме, т. е. , волк в овечьей шкуре. Преследования на крайне левые элементы продолжаются в России, как и во всех странах света, где железная дисциплина висит над обездоленными труженниками.

Анархо-Коммунистам приходится залезать в подполье, как и во всех империалистических странах и в старой царской России А — Коммунистов ожидает та же участь, что и в капиталистической Америке, империалистической Англии и буржуазной Франции. Можем ли мы А. — К. иначе смотреть на большевистских палачей, чем на палачей других стран? Нет. Какая разница между Ллойд Джорджем, Палмером и — — большевистскими комиссарами? Какая разница, кто нас давит „своей“ или „чужой.“ Американская-ли буржуазия во главе с Палмером громит нас, или большевистская аристократия во главе с Лениным — Троцким. Нет ни какой разницы. Рано или поздно, нам придется выступать с оружием в руках, как против одних, так и против других. Нам нет дела кто нас угнетает, и кто наш угнетатель! Мы не терпим не равенства, мы боремся против несправедливости. Наш лозунг равенство и братство...

Смерть всем палачам! Смерть государству и его опричникам! Мы А — Коммунисты стоим за социальную революцию, таковая только начинается. Если нам стараются доказать, что с установлением „диктатуры пролетариата“ уже добыта свобода, или лгут или и сами ничего не понимают — — относительно той свободы, которую должна принести нам социальная революция, а социальной революции в России еще не было потому, что там остались все институты зла: государство, власть и церковь — затемняющая народные умы.

До тех пор, покуда эти институты будут существовать, ни какой свободы быть не может.

До тех пор, пока мы не уничтожим этих главных зод, о свободе и речи быть не может. А их нужно уничтожить сейчас же в день социальной революции; но этого пока нет.

Вот почему я говорю, что социальной революции еще не было.

Нам со всех сторон могут кричать, что это не возможно; „вы еще не доросли... Мы дескать тоже противники государства и власти, но те перь об этом говорить не время.“

Так конечно говорят более всего большевистские комиссары, и готовящиеся стать комиссарами потому, что в их руках „сила“ т. е. власть.

Тюрьмы царские еще все целы, армия хорошо дисциплинирована. А когда они только вступали на „престол“, я помню, что они иначе пели. Они говорили, что они нехотят стать во власти, а против власти. Но когда анархисты-коммунисты говорили, что нужно уничтожить все тюрьмы, жандармские казармы, церкви и соборы, то большевики ответили, что это безумие.

„Да зачем это все разрушать — говорили они, ведь это все наши труды, мы можем все это употребить в свою пользу.“ И конечно согласиться им на разрушение тюрем было бы да же глупо с их стороны. Ведь они государственные мужья и разрушение институтов порабощения, явилось бы им во вред. Да и вообще на что можно употребить здание, построенное в такой форме, как тюрьма?

Ведь это здание, не говоря уже о том, что там каждая щель залита кровью нашего брата за не подчинение строгой дисциплине, за нарушение „святости“ закона и т. п., уже по своему внешнему виду со своими железными решетками похоже на звериную клетку, и уже по этому должна быть разрушена, и это должно быть сделано во время революционного пожара. В первые дни, когда подьем революционного духа пылает в народных массах, революция не должна падать ни одной тюрьмы, ни одного полицейского участка, ни одного жандармского управления и ни одной церкви!

Нас пугают, что „народ встанет против

нас и мы потеряем все, а палачи воспользуются опять“. О, странно рассуждение! Кто же тогда будет восставать против нас, если мы сами, т. е. народ будем это все делать?

В таком случае могут восстать против нас только те, которые нам так говорят, т. е. те кому выгодны все те учреждения, к разрушению которых мы стремимся. Но ведь они уже восстали, они уже давят нас беспощадно; какое же снисхождение мы можем иметь к ним?

И так, нужно сказать, что мы против большевистского государства, как и против всякого государства вообще; наша цель — это социальная революция, а таковая не свершится по предписанию сверху разными декретами, а нужна прямая борьба — борьба суровая и беспощадная по отношению ко всему существующему злу, а равно и по отношению к тем, которые стараются положить тяжелый камень на нашем тернистом пути.

Мы Анархисты-Коммунисты на своем знамени несем смерть не равенству и всему злу!

Да здравствует Анархия!

Стриговец.

«РАБОЧЕ - КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

Доходящие до нас сведения из России не редко указывают нам на то, что в России свистует Красная реакция, что эта Красная реакция не менее темной реакции отражается на революционных элементах, которые углубляют российскую революцию вопреки желанию большевистских комиссаров приостановить революцию на пол-пути. Мы не однократно читаем в газетах, что в России жестокие гонения на анархистов, что анархистами переполнены все — оставшиеся не разрушенными — царские тюрьмы, что большевистское правительство предпринимает самые репрессивные меры против анархистов, в плоть до расстрелов. Анархисты ставятся вне закона, т. е. каждый и всякий на „законном“ основании обязан тем или иным

путем убить того анархиста, который признан правительством вне закона.

Иначе говоря, в России по отношению к анархистам существует безумный суд — „линка“.

Но продажная русская пресса в Америке, начавшая некоторое время тому назад воспевать хвалебные гимны большевистскому правительству, всегда старается „загладить“ это „честь честью“ „это мол буржуазные вымыслы, в России рабоче-крестьянское правительство, оно стоит за рабочих и крестьян.“ Но как бы вся большевистствующая пресса не „кишила“, как бы она не старалась заглаживать все „делишки“, но „шила в мешке не скроешь“. Начавшие уже проникать письма из России подтверждают некоторые газетные сообщения о инквизиторском большевистском отношении к свободно-мыслящим анархистам.

Один из товарищей, уехавших на „Бофорде“ в одном из частных писем пишет, что в России много анархистов томятся в тюрьмах и много расстреляно — как противники большевистской диктатуры. Дальше в том же письме, чтобы перехитрить большевистского цензора он пишет следующее:

„Мы имеем в России столько свободы, сколько в Америке имеют М. Стеймер, Липман, Эйбрамс, Лаховский и многие другие.“ Все упомянутые товарищи в настоящее время отбывают 20-ти летнее тюремное наказание в в Атлантской тюрьме за пропаганду анархо-коммунистических идей в Соединенных Штатах Америки.

Так нам описывают те завоевания, во имя которых погибли сотни тысяч людей, мечтавших о свободе во имя которых пали передовые борцы, призывавшие народные массы к свободе и счастью, к равенству и братству.

Так пишут, так и говорят приезжающие в Америку очевидцы российских событий.

В номере от 1 ноября 1920 года в еврейском анархистическом органе „Арбайтер Фрайнд“, выходящем в Лондоне (Англия) мы читаем следующую заметку ярко характеризующую отношение большевистского правительства к 78 летнему борцу за освобождение всего че-

ловечества П. Кропоткину, который не смотря на свирепствующий голод в России, так гордо повсеуслышание отказался от всяких государственных подачек.

„Наш товарищ П. Кропоткин в ужасном положении. Наш 78 летний борец П. Кропоткин нуждается в провизии и одежде. Большевистское правительство держит его, и его дочь Сашу, и не дает им разрешения на выезд.

Наши испанские, итальянские, французские и Германские товарищи стараются организовать движение, которое активно работало бы в протесте против большевистского гнета по отношению к товарищу Кропоткину.“

Дальше в той же газете, мы читаем: „в Москве сидят в тюрьмах 200 социалистов и 80 анархистов.

Расстреляно 500 анти-милитаристов.“

О, „рабоче-крестьянское правительство!“

Как усыпила эта фраза умы многих рабочих и крестьян!

Как эта маска заслонила глаза многим даже из тех, которые никогда не носили этой маски.

Сбросьте же товарищи эту занавесь с ваших глаз! Проснитесь от векового сна и присмотритесь к разгулу Красной реакции.

Излечитесь от яда отравившего ваши умы, и вы „уразумеете“ на ком отражается Красная реакция!

А. Л.

ПИСЬМО ИЗ РИГИ (Латвия)

Дорогие товарищи!

После долгих страданий мне удалось добраться до Либавы, в последних числах октября. А оттуда я отправился в Ригу, где и прозябаю в настоящее время.

Дорога была ужасная: на пароходе много пришлось переносить страданий, а еще больше в поездах.

Вагоны поездов не отапливаются и не освещаются, целые ночи приходилось страдать

в холоде и темноте. За багаж у нас стащили по 5 рублей за место: Извозчик стоил нам 250 рублей за перевозку 4 сундуков и 5 чемоданов с пристани на вокзал т. е. за расстояние одной версты. Словом скубут нас, как ястреб курицу. В первых числах ноября мы уедем в Россию. Здесь все дорого: квартира за ночь 20 рублей и 5 рублей военного налога, обед от 50 до 150 рублей. Рабочий получает от 100 до 200 рублей в день. Ветчина 36 рублей фунт, хлеб 17.50 за фунт. Я купил сапоги за которые уплатил 2,350 рублей, словом жизнь дорога до невыносимости. В магазинах много товаров и продуктов первой необходимости, а рабочий по старому обычаю: оборванный, холодный и голодный.

Мы здесь встретили много бежавших из центральной России, которые передают, что жизнь там невыносима: голод, холод царит всюду. Что касается свободы слова и собраний так это зависит от комиссариата. Комиссар дает разрешение для собрания и в то же время присутствует сам на последнем, и в случае на собрании кто-либо хотя бы одним словом заикнулся о большевистской несправедливости, то собрание закрывается комиссаром без всяких оговорок. И коль скоро маленькое сопротивление со стороны собравшихся, какие „исты“ они бы не были, их усмиряют штыками и пулеметами, во имя „диктатуры пролетариата“.

Дорогие товарищи! Наше отношение к большевикам вполне справедливо и честно.

Если мне удастся добраться до места назначения, я вам сообщу все, более подробно.

Из России выезд почти не возможен. Прошу вас товарищи стойте твердо на своей позиции и не идите на компромисс политическим шарлатанам. А также не советую ехать сейчас в Россию ибо нам рабочим и здесь рот зажат и мы чувствуем над собой тяжесть смерти.

2.

Дорогие товарищи!

Прилагаю вам один экземпляр опросного листа, который подсовывают нам комиссары, если мы желаем проехать в Россию. В случае не желаясь выполнить, так не пускают через

границу. Поэтому прошу вас поместите его в печати, дабы наши соотечественники знали, что из себя представляет „диктатура пролетариата“. Многие большевики приехавшие вместе с нами, увидев „диктатуру пролетариата“ на практике не хотели было уж дальше ехать, но в последствии все таки решили пробираться дальше. Конечно придется выполнить опросные листы, с одной стороны для удовлетворения комиссаров, а с другой, для своей личной выгоды.

Все большевики прибывшие из Америки, взбунтовались, при выполнении 23-го пункта, который гласит: „что всякий рабочий должен быть подчинен комиссарам (наком труда), что вы не имеете права встретить своих родных, а под надзором милиции сразу же отсылают на работу, не туда где вы желаете, а туда куда чиновники велят“. В случае вы отказываетесь выполнить этот пункт вас не пропускают в Россию.

По словам многих бежавших из России, и находящихся здесь выяснилось, что там т. е. в России, являются „другие“ паны, в другой форме с новыми обычаями, но их рожа и аппетит прежние. „Ты раб трудись, а я буду тебя беречь, дабы ты был век покорным дураком“.

Мы много здесь встретили бежавших из России красно-армейцев, и „вольных“, которые говорят, что в России, вместо рая на земле, устроили наотящее пекло со всеми удобствами. Недовольствие, страдания а главное „диктатура“, которая по рассказам действительно диктатура. Тюрьмы трещат от недовольных „диктатурой“ и „частенько“; пристреливают. В ряды контр-революционеров зачисляют правых и левых т. е. анархистов.

Мне по своей профессии наверное придется работать вместе с мобилизованными солдатами „таков закон“. Что касается чернорабочих, так не известно куда их повезут.

Из переживаний передают следующее: если муж находится на „казенной“ т. е. государственной работе, так жена может приехать к нему на свидание конечно в определенное время, но его ни в коем случае не пропустят домой, в город или в деревню.

Дороговизна ужасная по всей Европе, а

заработки ничтожные. Пока прощайте, шлем вам свой искренний привет.

Лысый и другие товарищи.

ОПРОСНОЙ ЛИСТ (Анкета)

Советского правительства России, для перехода из Латвии в пределы России, для русских прибывших из Америки.

1. Имя, отчество и Фамилия.
2. Возраст.
3. Семейное положение.
4. Где родились.
5. Национальность.
6. Родной язык.
7. Образование.
8. Специальность (профессия).
9. Владеете ли вы английским языком, пишете, читаете, говорите, и какие другие языки знаете.
10. Когда выехали из России.
11. Куда именно.
12. Где работали.
13. В каких организациях состояли.
14. Кто у вас остался в Америке из родных.
15. Осталось ли у вас имущество в Америке.
16. Сколько при себе имеете денег.
17. Какие инструменты и другое имущество.
18. Причина выезда из Америки.
19. Цель поездки в Россию.
20. Намерены ли вы оставаться в России.
21. Имеете ли вы родных в России, кого и где.
22. Желаете ли вы отказаться от американского гражданства и поступить в русское гражданство.
23. Желаете ли вы немедленно по приезде в Россию поступить на работу по указанию наркома труда.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы целиком помещаем как письмо, так и опросный лист. Данный опросный лист мы помещаем целиком не потому, что мы этому удивляемся. О нет! Мы анархисты-коммунисты это прекрасно понимаем, что большевистское правительство, как и всякое правительство будет тщательно допрашивать при въезде в Россию обо всем, а главное верите ли в „диктатуру пролетариата”.

Мы помещаем только для того, чтобы показать какие „мытарства” нужно пройти для того, чтобы въехать в Россию.

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ.

Уважаемый товарищ Сверидюк!

Я получил ваше письмо и посылку, т. е. журнал „В“, за который вас сердечно благодарю.

Я жив и здоров, нахожусь вместе с некоторыми товарищами, приехавшими с Америки только товар. Ляцук где-то отступил в Амурскую область вместе с партизанским отрядом при наступлении японцев. Два месяца как он сообщал, что жив, а теперь не известно, надеюсь, что он жив, ибо последнее время у нас тишина. Новостей у нас много. Под штыком и танком строим „свое“ буферное государство, к которому сами не рады, но в силу необходимости должны, ибо нас выбросили из колеи. Мирная буржуазия, а в частности Япония обезценили наш рубль. В деревнях крестьяне не принимают ни каких денег, только товаро-обмен. У нас сахару совсем нет, но за то много меду. Когда нужно достать меду и вообще продуктов, так вези с города мыло, гвозди, спички, обувь и пр. и достанешь все, что имеется там, но вся беда в том, что у нас нет своего производства. Спекуляция в самом широком масштабе. Рабочие буквально голодают: полу-раздетые, голодные, холодные на чердаках и в подвалах, вы не можете себе представить того, что творится здесь. Железнодорожного движения нет, только некоторые дипломаты проезжают; то для переговоров, то для заверений имел счастье видеть (товар.) Шатова, который приехал во главе военной миссии, для переговоров с японскими командирами.

Дорогой товарищ известно ли вам, что у нас столько правительств, что и сам черт не рад, а тем паче мы. Чем больше правительств, тем больше несчастья: голоду и страданий для несчастного рабочего. Прошу вас присылать побольше литературы и журнала „Волна“ мы

слишком нуждаемся. Я думаю ехать на житье в деревню, нет сил в городе прожить и в сущности дела нет. В деревне-же могу кое-как прожить и дела есть с крестьянами: учить их кое-чему и самому учиться у них многому. Прошу пишите почаще письма, шлю вам свой привет передайте привет всем товарищам в Америке.

Ваш за светлое будущее

Х. Рок.

ОПЕЧАТКИ.

В номерах 9-10 вкрались досадные опечатки 1-я в статье „Наше отношение к большевикам, стр. 32 вместо „революционному“ следует читать „рациональному.“

2-я в статье „Наши надежды и действительность“ стр. 18 вместо „с точки зрения большевиков“ следует читать „с точки зрения меньшевиков.“

В статье „Несколько слов о федерации“ стр. 25 строка 8-я с низу, где говорится: „Не могут создать то, что в сущности и практичности является приемлемой и сходственной с идеями А. К.“ следует читать: „Анархисты разрушая всякие устои государства, не могут создать то, что в сущности и практичности, не является анархистическим. Свободная же федерация, по своей действительности и практичности является приемлемой и сходственной с идеями А. К.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛ. ТОВ! Не смотря на то, что отчет был помещен в жур. №№ 9-10, он не был проверен ревизионной комиссией. И поэтому не может являться правильным. Лишь только по проверке ревизионной комиссией он является действительным и целиком помещается в настоящем номере. При том-же находим необходимым упомянуть, что в связи с провалом, были утеряны некоторые номера чеховых книжек, и мы не можем поместить таковых, а лишь помещаем общую сумму, полученную вместе с номерами.

Редацион. Кол.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ КАЗНАЧЕЯ Ф. А. К. ГР. от 26 сентября по 27 ноября.

Приход

Добровольные пожертвования:

От Гр А К гор. Э—порт	32.50
„ „ Р—стер	10.00
„ „ Н. Ге—ен	30.00
От товарища Бесси	5.00
От товарища Д—ва	3.00
От товарища Ж. а ж.	6.00
От товарища Ю Р И	2.50
От товарища То—в	1.00
От товарища Ир—лов	.55
Не разборчиво	1.00
Сент Бой	.50
М. Г. Д.	1.00
И да—ид	1.00
Фил., Па.	55.00
Не—арк	100.00
Москма	50.00
Фил., Па	61.50
Ватбери	37.25
Взаимообразно	100.00
Взаимообразно Ва—бери	35.00
Л. Е. О.	11.98
С.	1.00
Ву—лов	1.00
Ба—море	30.35
От продажи иелтратуры	
Ва—бери	10.00
Ба—море	66.00
Выручено а журнал:	
Нев—вен	45.00
Че—тер	44.00
Не—арк	18.75
Не—арк	75.25
Филад., Па	45.00
Штат Коня.	69.15
Тоже	15.00
Не—арк	20.00
Фил за боти „Х и В“	14.85
Кле—ланд	215.61
Не—арк	40.00
Ва—бери	33.10

Ба — море	21.00	Кен—н Вр Си	1.05
		Бед	.75
Всего приходу	1,807.34	Клив.	4.13
Общий расход от 26 сент. по 27 ноября		Ири	1.05
		Ири т Г Б	1.62
Перенос Редак. Колегии	50.00	Тоже	.36
Поездка по подысканию типографии		За журнал „Волну“ №6	
приставка жур. и литер.	104.99	Кливланд	48.60
Выдано на книгу и бр.	700.00	Юнг.	15.00
Расходы по жур. „В“ №8-й	117.72	Буф	.30
Расходы по жур. „В“ номера 9-10	575.57	Ири	10.05
Расходы по конф. и поездки в Ш. Конн.	14.00	Ири № 7	9.75
		Ири №8	12.25
И того расходу	1,552.28	Добровольных пожерт Ири	6.00
Всего приходу	1,807.34	Клив. №3	2.00
Расходу	1,552.28	Акрон	6.00
		Юнг	24.00
Остается	245.06	Клив №1	7.00
Возвращено взаимобразн.	100.00	Клив №2	2.00
		Ири номера 4—5	24.00
В кассе	145.06	Добровольных пожер Ири	48.25
Проверено ревизионной комиссией из 5-ти человек.		Н—К номер 5	7.50
		Клив номер 5	7.50
		Юнг. номер 5	7.50
КАССОВЫЙ ОТЧЕТ РАЙНОГО СЕКРЕТАРЯ Г.		Долг З В Б	9.00
Кливланда с 17 июня по 10 октября.		Кен добровольные пожертвований	10.00
		От З Гр Клив	2.00
Приход.		Нью—К по под листу	69.65
		Добровол пожер в Р К	6.00
От районного секретаря	12.66	От Клив	20.00
От Ири по чек книжкам	20.00	В пол ро.	30.00
Тоже	45.10	В Ф Р К Ири	15.25
От Акр. по чековым книжкам	51.25	Акр З авт С	12.00
За литературу	20.60	Акр в Р К	20.00
Добровольных пожер. „В“	16.00	Ири в Р К	6.75
Вад Д О	7.00	Ири тоже	20.00
Добровольных пожертвований	2.10		
Тоже бур.	.90	Итого	658.33
От Юнг. по чековым книжкам	2.00	КАССОВЫЙ ОТЧЕТ РАИ. СЕК. КЛИВЛ. С 10	
От Лоре	4.65	ОКТЯБРЯ ПО 5 НОЯБРЯ 1920 ГОДА.	
От Акр. за литературу Т Г Б	3.00		
От Нью — к	1.20	Приход	
Ке—н	.72	От Юнг. за жур. „В“ номер 8	18.00
Юнг	3.66	Ири Т Г Б	1.62
Бедфорд	.30	Нью-К. добровольных пожер на жур.	40.00
Кли—д	1.50	Клив г. номер 2 за жур номер 8	8.25

» В О Л Н А «

Тоже за номер 7	6.00	Т. Ш. за раз	6.20
Тоте за номер 3 г. за 7 и	7.50	Книги	.30
Тоже за номер 8	3.30	Почта, спе—делс	.12
От Бал—ре номер 5	5.40	Поездка в Акрон	.70
Акрон за журнал номер 7	22.50	Деле вз по—фи	29.67
Кен за номера 7 и 8 журнала	17.10	Перев литер	4.80
Добровольных пожерт. тов. Андруч.	2.00	На пропаганду	10.70
Лоре за журнал номера 7 и 8	7.50	Расход делегата	7.00
Клив г. 2-я за литературу	4.50	Р Л Ю	100.00
Тов. 50-й, добр. пож. на журнал	5.00	За проезд в Юнг.	8.00
От Ла	.60	В зно В по Н. К	69.65
		За номер журнала	63.95
Итого прихода	149.27	За номер 6 журнала	9.65
Долги старого секретаря, уполнены новым секретарем.		Выслан П Р Л	30.00
Акрон за журнал номер 5	28.97	Т Е О Б	5.64
Тоже за литературу	17.34	На Англ литер.	20.00
По чековым книжкам номера 0828 6.00, 0829		Итого расходу	520.10
и 0830 по 5.00, 0826 2.00, 0827 и 0831		Всего прихода	658.33
по 1.00, а всего	20.00	Всего расходу	520.10
Расход		Осталось в кассе	138.23
Вист по раз	139.95	Принято и передано новому секретарю	
За пересылку жур Т Е	6.03	138.23, перес. в редак. кол. жур. „В“	215.41
Тоте Т. Л	6.74		

